

Юлий Буркин

Пятна грозы

*Часть сборника
Королева белых слоников
(сборник)*

Юлий Буркин

Пятна грозы

«Автор»

1988

Буркин Ю. С.

Пятна грозы / Ю. С. Буркин — «Автор», 1988

«Ночь. А я сел-таки за стол, взял-таки ручку. Пишу-таки. Почему я себе это позволил? Ведь начать писать – значит подвергнуть себя риску обнаружения, что ты, всю жизнь считавший себя нераскрывшимся талантом, на деле – вопиющая бездарность. Не бутон, а болтун. Так почему же?..»

© Буркин Ю. С., 1988

© Автор, 1988

Юлий Буркин Пятна грозы

*А когда настало утро,
Люди удивились:
Неужели все, что было
Называлось «НОЧЬ»?!*

Ночь. А я сел-таки за стол, взял-таки ручку. Пишу-таки.

Почему я себе это позволил? Ведь начать писать – значит подвергнуть себя риску обнаружения, что ты, всю жизнь считавший себя нераскрывшимся талантом, на деле – вопиющая бездарность. Не бутон, а болтун. Так почему же?

На днях достал с полки томик О’Генри и к стыду своему и страху заметил, что не всегда понимаю его витиеватые и терпкие, запаха кофе с коньяком, словесные обороты. А когда-то я хмелел с полуслова.

И еще. Надеюсь на Формулу таланта, которую я вывел «методом тыка» (эмпирически).

В школе... в моей горячо любимой школе (позднее я еще скажу о ней пару слов) я твердо усвоил... нет, не могу откладывать и сейчас же, не отходя от кассы скажу эту самую пару слов.

Итак, школа.

Славилась она, как и быть должно, блестящим коллективом педагогов, ибо «Дух учебного заведения живет не в стенах и не на бумаге, а в сердцах и умах», и т. д., и т. п. (Ушинский К. Д.).

Примадоном (ведь есть же примадонны) у нас был Виктор Палыч – дюжий бугай с пшеничными «песняровскими» усами.

Нет, никогда не ратовал он за введение в советской школе практики телесных наказаний. Не был он поборником восстановления на Руси бурсацких традиций. Мало того, нетрудно даже представить его рыдающим над соответствующими очерками Помяловского; ведь человек Виктор Палыч, в сущности, был ранимый, просто феноменально ранимый.

А мы, ученики, поступали с ним бессердечно и непорядочно – шептались, списывали, играли в морской, воздушный и иные прочие бои, а порой флиртовали. И все на уроке.

И вот, он, такой, как было выше сказано, ранимый, был просто не в силах совладать с собой. Хотя позднее, наверное, жестоко страдал, угрызенный (вот так слово!) чуткой совестью малороссийского интеллигента.

Короче, лупил он нас, как сидоровых коз.

Совершал он этот педагогический акт с чувством, с толком, с расстановкой и с глубочайшим знанием дела: то ли дорожа своей репутацией, то ли – нашими эстетическими чувствами, лупил он нас, не оставляя синяков.

Но, «и на старуху бывает проруха». Не знаю, как выглядит «проруха», и что, собственно, это такое, однако, на этот раз, сией загадочной Прорухой оказался я.

Мальчик я был задумчивый, часто влюблялся. Однажды на перемене мои незабвенные одноклассники посадили меня по причине моей задумчивости в шкаф... нет, не заперли. Забили гвоздями.

Шкаф был пуст. Стоял он в классе единственно для поддержания солидности. Несмотря на это, я чувствовал себя в нем как-то не совсем уютно, суетился. Шкаф был пожилой, выдавший всяческие виды, заслуживший уважение. Но юность редко бывает внимательна и благодарна, и я в те годы вовсе не являлся счастливым исключением. Всем сердцем и поджелудочной железой стремился я на волю. Да и в носу от пыли щекотало.

Перебрав в уме возможные варианты освобождения, я остановился на одном, сулящем, как мне казалось, наибольшую вероятность успеха.

Скорчившись так, что спина моя уперлась в заколоченные дверцы, а ноги – в заднюю стенку, я попытался резко выпрямиться, надеясь таким образом выдернуть или хотя бы расшатать упомянутые гвозди.

Эта моя попытка увенчалась, на удивление, легким успехом. Я выпрямился почти без сопротивления, но тут же ощутил, что куда-то стремительно падаю.

Откуда мне было знать, что никакой задней стенки у шкафа нет и в помине. Оказывается, я надавил ногами прямо в стену, к которой и был прислонен этот гроб без крышки.

Прошло уже почти пол урока, когда шкаф рухнул, чуть задев стоящего у доски Виктора Палыча.

Педагог затрепетал. Вытянув вперед волосатый перст возмездия, он уткнул его в Юрика Иноземцева, сидящего в добрых двух метрах от шкафа.

– Это ты его уронил!!! – изрек Виктор Палыч вопреки Очевидности. Он преподавал математику.

Не успел Юрик справедливо вознегодовать, как ранимый В. П. узрел в шкафу (ибо гроб был без крышки) оцепеневшего в немом ожидании меня.

Узрев меня, ранимый В. П. тоже оцепенел. Некоторое время за компанию с нами цепенел и весь класс.

И вот, после нескольких тягостных минут напряженной Неизвестности, Виктор Палыч разрядил обстановку. Тишина раскололась булькающим гортанным звуком. Поистине это был Крик Одинокого Петуха в Пустыне. В. П. сделал шаг, схватил меня поперек живота, пересек с этой драгоценной ношей класс и, остановившись перед дверью, размахнулся с явным намерением открыть ее моей головой.

Удар!!! Без результата. В. П. размахнулся вторично...

Мальчик я был застенчивый, часто влюблялся, но тут, знаете, не растерялся и нарушил торжественность церемонии своевременным воплем:

– Виктор Палыч, эта створка не открывается!..

В. П. с завидным хладнокровием делает шаг влево, перенеся таким образом прицел на другую створку, размахивается вновь...

Удар!!!

Я, юный, царственно грациозный, как белокрылый лайнер (самый лучший самолет), стремительно выплескиваю в пустой колодезь коридора.

В полете я думаю о том, что мир наш – колыбель человечества, но не век же нам находится в своей колыбели (!); думаю я так же о смысле бытия и, благодаря экстремальности ситуации, успеваю прийти к кое-каким определенно ценным для науки выводам и обобщениям.

О многом еще успел я подумать, долго длился мой полет. Но однажды мне все же пришлось совершить вынужденную посадку. У втиснутых в шоколадные штиблеты ног директора школы.

По воле случая, как раз в это мгновение, он проходил мимо кабинета математики, и именно этот факт заставил меня – сыграть роль загадочной Прорухи, директора – скорбно поднять брови и перешагнуть через тело пресловутого меня, а ранимого Виктора Палыча – с мрачным треском вылететь из школы.

Однако я увлекся школьными воспоминаниями и отошел от сути. Поэтому об остальных школьных «кадрах» скажу вкратце, конспективно.

Преподаватель физики АНтонина Алексеевна ИЗотова (кличка – АНАЛИЗ) была настоящим фанатиком предмета. Чуть ли не на каждом уроке, во время опытов с электроприборами, ее жестоко било током. Результаты, полученные в ходе опыта, обычно на два-три порядка расходились с результатами ее теоретических выкладок. Но она, ничуть не смущаясь, объясняла

это «несовершенством школьного оборудования» и продолжала урок с таким победоносным видом, словно только что этим самым опытом развеяла все наши сомнения в правильности теории.

Надо отметить, что это постоянное добровольное мученичество наложило на ее характер определенную печать святости. Абсолютно не жалея себя, она в то же время весьма сочувственно относилась к нашим слабостям и плохие отметки ставила только в самых исключительных случаях. Так что не следует думать, что кличка, которой мы ее наградили, действительно соответствовала нашему к ней отношению. Ведь под словом «анализ» мы тогда понимали вовсе не научный метод исследования, а единственно содержимое тех спичечных коробков, которые нам было предписано раз в полугодие приносить школьному врачу. Нет, кличку мы прилепили чисто механически. Вообще-то, относились мы к ней неплохо; не скажу, чтоб любили, но, все-таки, неплохо. Позже я понял, что чувство, которое мы питали к ней, было инстинктивным детским сочувствием неудачнику.

Учительница истории Оленька обладала поразительной манерой говорить от лиц различных исторических деятелей соответственно разными голосами. Впервые это обнаружилось так.

На вводном уроке низенькая, обладающая роскошным бюстом, полная, но не грузная, как-то по особому стройная и свежая, она воркующим голосом пыталась втолковать нам, что есть наука история, как таковая. Минут пятнадцать она, краснея под нашими, заинтересованными отнюдь не наукой историей, как таковой, взглядами, щебетала эдак, когда, наконец, произнесла свою историческую фразу.

Воркуя:

– Еще Чернышевский в свое время говорил...

Неожиданно хриплым басом, каким, очевидно, по ее представлению, должен был вещать наш великий критик:

– Я С ДЕТСТВА ЛЮБИЛ ИСТОРИЮ.

– !..

То, что еще минуту назад было девятым «В» классом, мгновенно превратилось в утробно булькающую в пароксизме неистового хохота аморфную массу. Она медленно стекает под парты на пол и подергивается там в мучительных конвульсиях телячьего восторга.

Итог: Ольга Борисовна (как она представилась нам) – фьюить! – бесследно испарилась, а на ее месте скоростно образовалась некая Оленька, всерьез принимать которую никто из нас отныне не мог.

К чести ее будет сказано, что метаморфоза эта саму Оленьку, по-видимому, ничуть не огорчила. Вообще, она не только не умела сердиться, но не даже для вида не могла напустить на себя хотя бы чуточку строгости. Когда, например, Юрий накачал мне из зажигалки полный портфель газа, а потом чиркнул кремнем, Оленька сказала:

– Ребята, не балуйтесь, пожалуйста, со спичками.

И все. А ведь пламя было почти в человеческий рост, и нам с Юриком опалило ресницы и брови.

А один раз мы всем классом закупили в «Детском мире» таких баночек с раствором типа мыльного, чтобы пускать пузыри. Все было тщательно продумано, обговорено, и вот, завтра мы все одновременно внезапно принялись пускать эти самые пузыри прямо посередине урока истории, так что кабинет стал похож на аквариум, в котором воду насыщают кислородом, изнутри.

Реакция учителя в подобной ситуации имеет самый широкий диапазон – от истерики бессилия до черного террора. Но с Оленькой было не так. Она повела себя совершенно неожиданно; она захлопала в ладоши и закричала восторженно: «Шарики, шарики!», после чего и благодаря чему прочно утвердилась среди нас в звании «своей».

А вот и еще один школьный монстр – Баба-Женя – преподаватель литературы. Исключительная ее черта – забавная привычка, читая вслух по книге художественную прозу, а, тем паче, стихи, стоять боком к вам и, прислонившись массивным, но элегантным задом к столу, раскачиваться в такт чтению. Стол, в свою очередь, безукоризненно подчиняясь третьему закону Ньютона и успешно преодолевая силу трения, миллиметр за миллиметром продвигался в сторону, противоположную той, в которую смотрело крайне одухотворенное лицо Бабы-Жени.

Случалось, стол проползал за урок и метр с лишним.

Дабы хоть чуть подсластить научный гранит, который мы усердно грызли на ее уроках, мы на перемене устанавливали стол посередине, мелом чертили на полу прямую линию, как бы заранее обозначая траекторию его будущего движения, а затем делили эту линию на сантиметры. Когда все было готово, мы держали пари – на сколько сантиметров Баба-Женя спихнет стол сегодня. Ставки, в основном, были небольшие, зато азарт – дай бог любому ипподрому.

Весь урок, затаив дыхание, наблюдали мы за торжественно-поступательным движением стола, урок проходил в напряженной тишине, что сама Баба-Женя склонна была расценивать, как бесспорный признак взаимопонимания и взаимоуважения.

Но такое положение вещей избаловало ее до предела: она не оставляла безнаказанным малейшее шевеление или шорох, считая, по-видимому, что пользуясь такой популярностью у учеников, имеет право на повышенную строгость. Даже директор, который частенько захакивал посидеть на ее уроки (где еще слушаешь такую тишину?), боялся кашлянуть на своей «камчатке».

Но однажды, в ледяной пустоте паузы, во время вдохновенной декламации «Евгения Онегина», когда Баба-Женя уже открыла было рот, чтобы вылить на нас очередной ушат чистых пушкинских строк, откуда-то снизу, со стороны двери, прозвучал тоненький-тоненький прозрачный писк.

От неожиданности рот Бабы-Жени, по-дверному клацнув, закрылся: «Как?! Кто посмел?! Раздавлю!!!» – писал ее удавий взгляд, медленно сползая по двери вниз.

Там, на пороге класса, словно на пороге жизни, как олицетворение чистоты и дружелюбия, сидел серо-голубой пушистый котенок. Этим своим писком он, видно, хотел выразить наполняющий его восторг познания огромного и прекрасного, так недавно открывшегося ему мира.

Но перестроиться Баба-Женя не успела. Низким дрожащим голосом, полным возмущения и в то же время удивления, она прорычала с каким-то свирепым присвистом:

– К Ы Ш Ш-ш-ш-ш!?!

Бедное животное в шоке повалилось на бок.

Три дня отпаивали мы котенка теплым молоком. Но долго еще после этого он жаловался на бессонницу, головные боли, страх перед открытым пространством.

Такую жестокость не можно оставлять безнаказанной, и мы решили «довести» Бабу-Женю. Сделать это оказалось не так-то просто. Она табунами выставляла нас из класса и вызывала целые батальоны родителей; более того, ничуть не стесняясь нашей старшекласности, она ставила провинившихся в угол, точнее – в углы, так что мы вроде бы как занимали круговую оборону класса.

Мы поняли, что обычными методами не проймешь этого знатока изящной словесности с железными нервами и логикой ЭВМ. Мы поняли, что тут следует предпринять нечто такое, что не укладывалось бы в ее прямоугольной голове.

И вот, почти не надеясь на успех, мы на перемене перед ее уроком прикрутили к учительскому столу мясорубку и провернули через последнюю (до половины) мужской ботинок. Сорок четвертого размера. Та половина ботинка, которая осталась целой, высывалась из алюминиевого жерла и, казалось, хранила в своих старческих морщинах немой укор поруганной невинности.

Когда со звонком Баба-Женя вошла в класс и приблизилась к столу, случилось невероятное: она покраснела, губы ее задергались и, тяжело опустившись на стул, она просидела неподвижно несколько минут, положив локти на стол и обхватив ладонями голову.

Мы тоже молчали. Все обиды улетучились, нам было и жалко ее, и стыдно даже, но никто не знал, что в таких случаях нужно сказать или сделать, чтобы это не выглядело фальшью.

А на следующий день урок литературы у нас вел уже другой учитель, но оказалось, что мы вовсе не рады этому. Ведь и прозвище-то мы ей дали не оскорбительное какое-нибудь, а, наоборот, почти родственное – «Баба-Женя».

Кстати, о прозвищах. Рекорд в этой области принадлежал биологичке, которую мы, надо сказать, недолюбливали за явное пренебрежение к собственному предмету. Прозвище ее мы никогда не сокращали, а всегда со вкусом, не ленись, произносили полностью – «Членистоногая Хламидомонада».

Ну, хватит о наших корифеях. Тем более, сдается мне, нечасто они ухитрялись чему-то меня научить. Вот, хотя бы, Виктор Палыч. Уж какие у него были крутые методы, а я в математике до сих пор ни бум-бум. Например, никак не могу взять в толк, почему это от перемножения двух отрицательных чисел получается положительное. Ну, три умножить на четыре – двенадцать. Это понятно: взяли три раза по четыре яблока, пересчитали – двенадцать. А если минус три на минус четыре, тогда как? Это ведь значит, что я отсутствие трех яблок не беру четыре раза. Так откуда же взялись все те же двенадцать?!

Но договорились: о школе больше ни слова. На чем я тогда остановился? Ага, речь шла о формуле таланта. А дело все в том, что в школе я сумел-таки усвоить: аксиома, правило, формула, другими словами, любая истина действительно истинна и неоспорима тогда и только тогда, когда обведена черной рамкой. Рамка – символ окончательности. Некрологи тому подтверждение.

Пусть не разводят руками мои будущие исследователи. Я не собираюсь отбирать у них хлеб. То, что я хочу сказать известно, наверное, каждому, кто имеет хоть маломальское отношение к творчеству. Бессознательно моей формулой пользуются бесчисленные поколения поэтов и художников. Просто никогда еще не была она выражена так четко и ясно. Но ведь и законы природы ученые не из головы придумывают и не из пальца высасывают. Законы природы существовали всегда, и мы пользуемся ими, не оплачивая патента; но открывшим закон считается тот, кто впервые сформулировал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.